PolotskSU

УДК 94(4)

ПОЛОЦКИЙ КЛАД 1984 г.: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

канд. ист. наук, доц. Ю.Н. КЕЖА
Полоцкий государственный университет

Анализируется символическое и социальное значение наручных браслетов и шейных гривен из полоцкого клада 1984 г. Рассматривается значение золотых колец, обнаруженных на территории Восточной Европы раннего средневековья в контексте представлений о даре германо-скандинавского эпоса. Делается вывод, что церемония даров и образ золотых колец органично вплетаются в отношения между правителем и его приближёнными. Золотые кольца-обручья из полоцкого клада, являются ярким свидетельством данных связей в переходный период от потестарного образования к государству.

Клад из золотых изделий, случайно обнаруженный в Полоцке на территории Нижнего Замка в 1984 г., является уникальной находкой. Это первый и пока единственный клад, целиком состоящий из золотых изделий, обнаруженный на территории Полоцка и Полоцкой земли периода раннего средневековья. По своей композиции и типам украшений полоцкий клад относится к эпохе викингов (IX – XI вв.).

Клад состоит из 6 золотых предметов: 1) браслета из кованного четырёхгранного дрота; 2) согнутый в кольцо фрагмент круглого в сечении дрота; 3) разрубленный надвое браслет из круглого в сечении кованного дрота; 4) сплетённый из 4-х круглых кованных дротов фрагмент браслета; 5) браслет из двух скрученных в сечении дротов; 6) фрагмент браслета или шейной гривны с завязанными концами, сплетённый из 4-х круглых кованных дротов (рис. 1) [1, с. 292]. Полоцкий клад входит в общий контекст подобных находок на территории Западной, Восточной и Северной Европы с середины-конца IX - до конца X в.

Рисунок 1

PolotskSU

Неоднократно отмечалось сходство полоцкого клада с киевским золотым кладом 1913 г., найденным в бывшей усадьбе И.А. Сикорского (рис. 2). Киевский клад состоит из 6 золотых браслетов. Три браслета изготовлены из гладкого утолщённого по центру и округлого в сечении золотого обода, завязанные двойным узлом похожие на кольца 2 и 3 полоцкого клада. Два Киевских браслета изготовлены из двух переплетённых золотых дротов с концами, завязанными двойным узлом. Данные типы браслетов схожи с кольцом 5 полоцкого клада. Один браслет из Киевского клада изготовлен из трёх пар переплетённых золотых дротов и похож на браслеты 4 и 6 из полоцкого клада. Клад из усадьбы И.А. Сикорского датируется X в. [2, с. 101 - 106].

Рисунок 2

Помимо Киевского клада 1913 г. И. Еремеев в попытке определиться с хронологией, приводит в качестве примера аналоги полоцких драгоценностей из Дорестада, могильника Салалспис Лаукскола в Нижнем Подвиньи, британского Куэрдаля (Ланкашир), норвежского Хоена, шведских Укснарума и Эрикстерпа, а также кладов с о. Готланд [1, с. 294-295].

В дополнение к приведённым примерам, можно выделить ещё несколько ярких находок. Близкой аналогией браслетам из полоцкого клада являются находки золотых и серебряных украшений из местечка Вайена, расположенного в Южной Ютландии (Дания), который датируется концом X в. (рис. 3) [3]. Первоначально было найдено 7 браслетов (6 золотых и 1 серебряный). Два золотых браслета состоят из двух переплетённых дротов, они аналогичны кольцу 5 из полоцкого клада. Одно кольцо представляет собой переплетение четырёх пар круглых дротов и аналогично полоцким кольцам 4 и 6. Три золотых браслета состоят из круглых дротов и напоминают кольца 3 и 2 из Полоцка.

Похожи на полоцкие кольца 1,2,3 два круглых и один четырёхгранный серебряных браслета из Уэтлингтона (Оксфордшир), а также два обрубленных серебряных браслета (шейных гривен?) из четырёх пар переплетённых дротов (рис. 4). Находка датируется концом IX в. [4].

PolotskSU

Рисунок 3

Рисунок 4

При многочисленных аналогиях дискуссии вызывает датировка полоцкого клада, которая варьируется от конца IX до конца X в., а также вопрос о его принадлежности. Сопоставляя типологию "полоцких изделий" с аналогичными находками на территории Восточной и Северной Европы, И. Еремеев, как и Г. Штыхов, относит золотые изделия ко второй - третьей четверти X в. [1, с. 295].

В вопросе принадлежности полоцкого клада, часть исследователей склонны считать, что драгоценности могли быть собственностью зажиточного ремесленника (ювелира). Этой принадлежностью объясняются разрубленный надвое один из браслетов:

PolotskSU

отдельные части планировалось использовать как заготовки для изготовления более сложных изделий [5, с. 350]. Также украшения могли принадлежать представителю полоцкого нобилитета, вероятно связанному с княжеским окружением. В этом случае разрубленные браслеты являлись своеобразным средством оплаты. Когда владельцу кольца было необходимо расплатиться, оно разрубалось на отдельные части [1, с. 294]. Таким образом, трактовка обнаруженных золотых предметов связывается с использованием их как ювелирного сырья, или как платёжного средства, что и объясняется фрагментарностью найденных изделий.

Предлагая версию о сугубо прагматическом значении полоцких драгоценностей в раннесредневековом обществе, исследователи на наш взгляд до конца не учитывают социокультурные факторы и символическое значение подобных украшений в ранней истории Руси. Целью данной статьи является попытка более широкого рассмотрения значения золотых изделий для социальных отношений раннесредневекового Полоцка, в частности символических способов закрепления и репрезентации власти.

В последние два десятилетия преимущественно среди учёных-скандинавистов получил распространение взгляд на золотые кольца-браслеты как на собственность представителей дружинной элиты молодого древнерусского государства, а функциональная принадлежность наручных браслетов или шейных гривен связывается со скандинавским по своему происхождению ритуалом клятвы-роты [6, с. 155 - 168; 7, с. 176 - 192]. В языческом ритуале клятвы наручные и нашейные украшения воинов-дружинников воспринимались в едином контексте с предметами наступательного и защитного вооружения. Данная гипотеза на основе сопоставления скандинавских материалов и сообщений древнерусских летописей была представлена Е. Мельниковой. Так, договор языческой Руси с греками 944 г., где в ритуале клятвы наряду с предметами вооружения присутствуют золотые кольца, рассматривается исследовательницей как скандинавская правовая традиция, где "обручья" древнерусской летописи прямо соотносятся с "кольцами клятвы" викингов [7, с. 189]. Гипотеза Е. Мельниковой дополнена И. Еремеевым и В. Кулешовым.

И. Еремеев подробно проанализировал договор Святослава с греками 971 г., где по его мнению присутствует мотив разрубания кольца как нарушения клятвы: "Вряд ли следует сомневаться в том, что в представлениях русов-язычников, превращаясь в обычное средство платежа, расколотое, потерявшее свою ценность кольцо теряло и свою охранительную силу, как бы умирало... Образу иссеченного, расчленённого мечом мёртвого тела соответствовал образ колотого, рассечённого обруча-оберега, потерявшего свои магические свойства" [8, с. 107]. Особенно интересно, что данные выводы прозвучали в контексте изучения полоцкого клада: "Колото яко золото" - так, вероятно, могли бы сказать современники про судьбу полоцкой династии. Разрубленные драгоценности полоцкого клада 1984 г. воплотили для нас один из древних мотивов германского героического эпоса о роковом золотом кольце, несущем гибель своему обладателю" [8, с. 120].

В. Кулешов продолжил линию рассуждений Е. Мельниковой и И. Еремеева, выделив чёткую структуру и семантику ритуала принесения клятвы-роты с использованием

PolotskSU

оружия и золотых колец: 1) прибытие на сакральное место; 2) произнесение клятв и обязательств над отделёнными от владельцев личными браслетами и предметами вооружения; 3) выход из ритуала (с надеванием снятого и оставлением места принесения клятвы). В. Кулешов выделяет четыре ценности, утрата которых понимается как результат нарушения клятвы: божественная благодать и её утрата; свобода и её утрата - вечное рабство; физическая целостность и её утрата - уничтожение кольца; жизнь и её утрата - смерть от собственного оружия [9, с. 255 - 256]. С физической целостностью исследователь связывает клятвенные кольца-браслеты, символизирующие по словам учёного защиту целостности клятвы.

Таким образом, в последние годы прочно утвердился взгляд на драгоценные браслеты эпохи викингов, как объект заключения клятвы военной элитой. Поддерживая данные выводы в своих основных положениях, хочется обратить внимание, что золотые наручные кольца и шейные гривны помимо функции клятвы могли использоваться в более широкой практике социальных взаимоотношений между представителями властного нобилитета. Что касается значения разрубленного кольца, как символа нарушения клятвы (и как следствия утраты физической целостности и даже жизни), данная интерпретация должна быть по меньшей мере откорректирована, а возможно и пересмотрена с учётом дополнительных сведений германо-скандинавской эпической традиции.

При всей спорности конечной датировки, полоцкий клад следует отнести ко второй половине-концу X в. - периоду правления в Полоцке скандинавского конунга Рогволода (960-е - 978). О конкретной принадлежности золотых украшений судить сложно, однако вполне вероятно, они могли принадлежать представителю политической элиты. Учитывая уникальность полоцкого клада - возможно самому правителю.

При рассмотрении золотых предметов из полоцкого клада важно учитывать, что богатство в раннесредневековом обществе по сравнению с более поздними эпохами имело не столько утилитарное, сколько символическое значение [10, с. 116]. В данной связи показательны примеры из англосаксонского героического эпоса "Беовульф" - единственной сохранившейся поэмы варварских народов Европы, основной костяк которой сложился до принятия христианства.

В "Беовульфе", правитель именуется *"кольцедробитель"* (6 раз), *"кольцедаритель"* (6 раз), *"златодаритель"* (3 раза) [11, с. 30; 37; 46; 58; 81; 99; 105; 125; 135; 140; 143; 153; 171]. Также в отношении правителя используются следующие выражения: *"щедрый на кольца"* [11, с. 173], *"золотые кольца дарил он всем пирующим"* [11, с. 33], *"достойнейший из дарителей золота"* [11, с. 109], *"обручь ошейный витого золота, вождь доброчестный вручил воителю"* [11, с. 162], *"вождь, наделивший кольцами золота"* [11, с. 164 - 165]. Церемония даров и образ золотых колец органично вплетаются в отношения между конунгом и его воинами. Одной из основных социальных функций правителя в отношении со своей дружиной является наделение последних материальными благами, драгоценностями - золотыми и серебряным кольцами (браслетами). Показательно, что в "Беовульфе" одного из дружинников конунга Хротгара называют *"золотоношей"* [11, с. 162].

PolotskSU

В свою очередь отрицательный образ правителя в германо-скандинавском эпосе и сагах связывается с его скупостью. Про конунга Скильдингов Херемода в "Беовульфе" сказано: *"и не кольцами данов радовал, а безжалостно длил усобицы"* [11, с. 110]. Рассказывая о несправедливом правителе, автор указывает на его гнев и скупость: *"станет мало ему, ненасытному, всех имений его, станет он гневлив и на кольца скуп"* [11, с. 112].

В поэтическом сборнике древнескандинавских песен о богах и героях "Старшая Эдда", сохранившем древнегерманскую архаическую основу, мотивы, связанные с дарением золота и золотых колец встречаются 12 раз [11, с. 186; 199; 201; 222; 229; 238; 248; 253; 298; 316; 341; 356]. Помимо этого, в Речах Фавнира, воителя Сигурда называют *"дарящим кольца"* [11, с. 282]. Такой же эпитет (*"кольца дарящий"*) применяется к воину Гуннару в Гренландской песни об Атли [11, с. 315]. В Песни о Хюндле, конунг Хрёрек назван *"расточителем колец"* (от др. сканд. "slongvanbaugi" - "метатель", "расточитель колец") [11, с. 344].

Согласно наблюдениям А. Литвиной и Ф. Успенского, в аутентичных скандинавских источниках X - XI в. - рунических надписях и скальдических стихах, в образе правителя заключается следующая формула: "конунг ненавидит золото, но любит дружину" [12, с. 55]. При этом следует учитывать, что щедрость правителя в раздаче золота и драгоценных предметов своим приближённым отнюдь не бескорыстна, а скорее имеет посвоему прагматическое значения с точки зрения приобретения верных соратников и закрепления с ними личных связей. "Повесть временных лет" сохранила данные представления в словах киевского князя Владимира Святославича: "*яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато... бе бо Володимир любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земеленем*" [13, с. 88].

Таким образом, в период становления раннесредневековых государств при отсутствии чётких органов управления основное значение приобретают личные связи между правителем и его приближёнными. Данные связи формируются и поддерживаются при помощи таких институциональных средств как 1.) пир; 2.) хождение в гости и связанный с этим дарообмен; 3.) военная деятельность; 4.) вечевые собрания [14, с. 5].

Центральная роль принадлежит пиру. Важнейшая социальная функция пира состояла в том, что на пирах осуществлялся контакт между вождём и его приближёнными, который находил непосредственное выражение в форме дара. Дар являлся главным средством формирования и закрепления социальных связей и основой приобретения социального престижа. Не случайно дары в виде драгоценных колец-обручий вручались правителем именно на пирах. Это подтверждают многочисленные примеры из исландских саг и германо-скандинавского эпоса.

Учитывая важность пира как важнейшего социального института, стоит обратить внимание на символическое (сакральное) значение вручаемых на пирах драгоценностей. В раннесредневековом, варварском обществе среди материальных ценностей, добытых в походах и войнах, золото и серебро - это такой вид богатства, где материализуется счастье человека и его семьи. Как отмечает А. Гуревич: "Золото и серебро сами по себе, безотносительно к тому, в чьих руках они находятся, не содержат этих благ; они

PolotskSU

становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы "впитывают" благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества." [15, с. 233]. В этой связи вполне понятно стремление дружинников получить от своего предводителя золотые украшения, в которых воплощается счастье и удача их вождя. Получая драгоценности, воины тем самым приобщаются к удаче их предводителя, а сам дар рассматривается как часть сущности дарильщика, которая воплощает позитивные социальные качества вождя: *"Владей, и пусть сопутствует тебе удача"* [11, с. 86] - строки из "Беовульфа", отчётливо характеризуют данные представления.

Возвращаясь к композиции полоцкого клада, стоит обратить особое внимание на состояние найденных браслетов - один из них разрублен, от второго браслета (шейной гривны?) найден только фрагмент. Данное обстоятельство на наш взгляд полностью вписывается в общественные представления раннесредневековой эпохи.

В Песни о Риге, к основным характеристикам родоначальника всех будущих правителей Ярла, относятся следующие строки: *"Восемнадцать дворов - вот чем владел он, щедро раздавал людям сокровища поджарых коней, дорогие уборы,* ***разбрасывал кольца, запястья рубил*** (выделено мной - Ю.К.)*"* [11, с. 339]. Примечательно, что в упоминаемом "Беовульфе", верховный правитель, помимо *"кольцедарителя"* неоднократно именуется *"кольцедробителем*".

Простым объяснением данного эпитета является способ оплаты, когда правитель, чтобы расплатиться со своими дружинниками разрубал браслеты и давал их части своим приближённым. Однако согласно представлениям эпохи, удача вождя передаётся на дружину. Материальные ценности в дружинной среде - золото и серебро, ценились не как материальные эквиваленты благополучия и достатка, а как часть сущности человека, который их дарит. Награждая своих воинов частями драгоценных браслетов и шейных колец, правитель мог передать им часть своего везения [11, с. 13]. Таким образом, разрубая драгоценные браслеты и шейные гривны, часть данных предметов правитель отдаёт своим дружинникам, тем самым они приобщаются к славе и удаче своего вождя.

Археологические находки наручных браслетов и шейных гривен, разрубленных на две или несколько частей, встречаются в многочисленных кладах. Один из показательных примеров на территории Восточной Европы - клад, найденный в 1883 г. у д. Борщевка, Дубровенского уезда Волынской губернии (рис. 5). Клад состоит из серебряных предметов: 42 слитков, 2-х лунниц с зернью, 8 серёг, 7 шейных гривен [16, с. 85]. Среди данного перечня украшений стоит обратить внимание на гривны. Они в кладе целые и фрагментированные, две большие витые, у одной концы завязанные, одна малая витая, от 2-х колец найдены фрагменты. Фрагменты 2-х гривен разрублены, что указывает на их умышленное механическое повреждение. Один из фрагментов гривны из д. Борщевка напоминает разрубленный фрагмент 6 из полоцкого клада.

Борщевский клад датируется второй половиной X в. и соотносится с периодом "окняжения" племенных славянских территорий правобережного Днепра и включением их в состав Киевского государства [1, с. 328 - 331]. Вероятно, сам клад, учитывая наличие женских серёжек и лунниц, принадлежал представительнице древнерусской (киевской) элиты. Однако шейные гривны, до их попадания к последнему владельцу, могли при-

PolotskSU

надлежать представителю дружины. Подобные шейные гривны определяются как мужские украшения и один из атрибутов древнерусской военной элиты [8, с. 104].

Рисунок 5

В период образования ранних государств, когда ещё не сформировался административный аппарат управления, а политические институты не имеют чётких границ и структуры, отсутствуют посредники между вождём и его подданными. Данные явления полностью соответствуют одному из этапов политогенеза, который получил название "дружинного государства" [17, с. 23]. Особенностью политической системы данной формы организации общества является то, что функции власти и руководства осуществляются представителями военной элиты - дружинами во главе с правителем.

Во властных отношениях первостепенная роль принадлежит личным связям, которые носили универсальный характер: выступают элементом поддержания единства и целостности воинской элиты, а также определяют степень связи и приближённости к правителю. Золотые кольца-обручья из полоцкого клада, датируемые периодом становления государственности в Полоцкой земле, являются прекрасным свидетельством данных связей в переходный период от потестарного образования к государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н.А. Макаров. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2012. – 496 с. : ил.
2. Андрощук, Ф. Скандинавські старожитності Південної Русі / Ф. Андрощук, В. Зоценко. – Paris, 2012. – 370 с.
3. Ульфдалир. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ulfdalir.ru/news/1346. – Дата доступа: 14.01.2018.

PolotskSU

4. Ульфдалир. Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ulfdalir.ru/news/1209 - Дата доступа: 14.01.2018
5. Магалинский, И.В. Ювелирное производство / И.В. Магалинский // Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоёв, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 349–363.
6. Stein-Wilkeshuis, M. Scandinavian Swearing Oaths in Tenth-Century Russia: Pagans and Christians / M. Stein-Wilkeshuis // Journal of Medieval History. – Vol. 28. – P. 155–168.
7. Мельникова, Е.А. "Обручья" некрещёной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и "кольца клятвы" древнескандинавской правовой традиции / Е.А. Мельникова // Средние века. – 2014. – 75 (3-4). - С. 176–292.
8. Еремеев, И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья) / И.И. Еремеев. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 696 с.
9. Кулешов, В.С. Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи и функции / В.С. Кулешов // В камне и бронзе : сб. ст. в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН, ООО "Невская Книжная Типография", 2017. – Т. XLVIII – С. 253–258.
10. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект пресс, 1998. – 205 с.
11. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. - М. : Художественная литература, 1975. - 770 с.
12. Литвина, А. Испытание дарами на пути "из варяг в греки": дипломатический этикет и повествовательная формула / А. Литвина, Ф.Успенский // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – С. 55–62.
13. Полное собрание русских летописей. – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1926 – 1928 . Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 379 с.
14. Груша, А. Credo quia veru: аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) / А. Груша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 2. – С. 3–14.
15. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. / А.Я. Гуревич. – СПб. : Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2007. – 352 с.
16. Корзухина, Г.Ф. Русские клады IX - XIII вв. / Г.Ф. Корзухина. - М. : Изд-во Академии наук СССР. – 226 с.
17. Мельникова, Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) / Е.А. Мельникова // Древняя Русь и Скандинавия: избр. тр. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 15–34.

PolotskSU

POLOTSK TREASURE 1984: ON THE QUESTION OF SOCIAL RELATIONS OF EARLY MEDIEVAL

J. KEZHA

The article analyzes the symbolic and social significance of wristbands and cuffs from the Polotsk hoard of 1984. The significance of the gold rings discovered in the territory of Eastern Europe in the early Middle Ages is considered in the context of ideas about the gift of the German-Scandinavian epic. It is concluded that the ceremony of gifts and the image of the golden rings organically intertwine in the relationship between the ruler and his approximate. Gold rings from the Polotsk treasure, are clear evidence of these links in the transition period from the tertiary education to the state.